

*Helga
Duran*

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Игрушка

МЕНТА

Helga Duran
Игрушка мента

«Автор»

2026

Helga Duran

Игрушка мента / Helga Duran — «Автор», 2026

– У тебя есть два пути, девочка: СИЗО, где тебя сломают... или я.– Что я должна буду делать?– Всё, что прикажу. Ты будешь принадлежать мне.– Но ведь я ни в чём не виновата, я никого не убивала!– Следствие разберётся. Следствие – это он и есть. Безжалостный, бессердечный майор Дёмин, от которого зависит теперь вся моя жизнь.– Я согласна. Он ненавидел меня за безнаказанность. Я презирала его за власть. Наша сделка должна была стать наказанием для меня, но превратилась в пытку для нас обоих.

© Helga Duran, 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Женя	5
2. Глеб	7
3. Глеб	9
4. Женя	12
5. Глеб	15
6. Женя	18
7. Женя	21
8. Глеб	23
9. Глеб	26
10. Глеб	28
11. Глеб	30
12. Глеб	32
13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Игрушка мента

1. Женя

– Давай, Ермолова! Что ты мнёшься? – подначивали меня пацаны из нашей компании. Мы стояли возле магазина, обсуждая, какой забавной будет наша очередная выходка. Всё было идеально. Подстать саундтреку, который я сама себе поставила в голове – дерзкий, электронный, с пульсирующим, как жила на виске, битом.

Супермаркет, как наша личная игровая площадка, полная ярких, глупых и таких соблазнительных безделушек. Пластиковый блеск которых манил, просился, чтобы его взяли, приласкали, спрятали.

Я решительно зашла в магазин, предварительно включив камеру на телефоне.

Мои пальцы скользили по полкам с отточенной, почти музыкальной грацией. Вот серебристая зажигалка-бабочка. Одно движение, и она исчезла в складках моей широкой рубашки. Помада-колпачок с перьями. Даже думать не надо, лёгкий щелчок ногтя, и она у меня в кармане.

Адреналин был слаще любого наркотика. Это не было воровство в привычном, убогом смысле. Это был перформанс. Танец. Игра. Доказательство моего превосходства над этой сонной, законопослушной реальностью.

Мы так развлекались с друзьями после пар, а потом выкладывали ролики в сеть. Сегодня была моя очередь украсть что-то, а остальные ждали меня с "уловом" снаружи.

В левой руке я почти не ощущала вес телефона. Камера снимала всё: мои руки, полки, лица ничего не подозревающих покупателей. Я ловила свои же отражения в выпуклых поверхностях чайников, улыбалась им холодной, торжествующей улыбкой хищницы.

Это будет шедевр. Монтаж, музыка, наши восторженные комментарии с друзьями. Ещё одна история о том, как мы безнаказанно плюём в лицо правилам.

Именно в этот момент, когда я уже мысленно прикидывала, какой фильтр лучше наложить на эту серую толпу, всё рухнуло.

Железная рука сдавила моё запястье. Не больно, но с такой нечеловеческой силой, что все мускулы разом онемели. Зажигалка с глухим стуком упала на пол.

– Девушка! – его голос был как удар скребка по металлу.

Я подняла глаза. Продавец, лет пятидесяти, с лицом, на котором навсегда отпечаталось разочарование во всём человечестве. Его глаза горели не злостью, а каким-то странным торжеством. Наконец-то он поймал ту самую, на ком можно выместить всю скуку и унижение от своей работы.

– Я вызываю полицию! – закричал он, и его крик разрезал гул магазина, как нож.

Покупатели обернулись. Десятки глаз. Одни с осуждением, другие с любопытством, третьи с тупым безразличием. Но все они смотрели на меня.

В голове всё перевернулось. План, адреналин, глупое возбуждение – всё испарилось, оставив лишь животный, слепой ужас.

Нет. Только не это. Только не позор, не протоколы, не звонок отцу...

– Отпустите! – вырвалось у меня, и голос прозвучал чужим, тонким, испуганным.

Я дёрнулась, и пальцы мужчины на мгновение ослабили хватку. Чисто рефлекторно я рванула прочь.

Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание. Я не бежала, я летела, отталкиваясь от скользкого пола, не разбирая дороги. Надо просто исчезнуть. Сейчас. Немедленно.

Господи...

– Полиция! Что же вы стоите? – завершала какая-то женщина. – Держите вора! Ловите её!

И тогда я врезалась. Не во что-то, а в кого-то. Не в мягкое тело покупателя, а во что-то твёрдое, непоколебимое, как скала. Удар пришёлся в плечо, и я отскочила, едва не упав. Воздух вышибло из лёгких, спина мгновенно взмокла.

Я подняла голову, ещё надеясь пробормотать «извините» и умчаться дальше. Но слова застряли в горле.

Передо мной стоял мужчина в форме. Не охранника супермаркета. Майор полиции. Погоны я разглядела сразу. Его лицо было не злым, не удивлённым. Оно было спокойным. Слишком спокойным. Холодные, пронзительные глаза смерили меня с ног до головы одним беглым, но всевидящим взглядом. Он даже не пошатнулся от удара.

Здоровенный мужик, гораздо выше меня. Я почувствовала себя крошечной и беспомощной рядом с ним. Пришлось задрать голову, чтобы видеть его лицо.

– Куда так спешим? – его голос был тихим, ровным, без единой нотки истерики того продавца. Но в этой тишине была такая сталь, от которой у меня по спине пробежали ледяные мурашки.

Он не отпустил мою руку, которую рефлексивно поймал, когда я отскакивала. Его хватка была не грубой, но абсолютно неоспоримой. Железной.

Это конец.

Продавец с его истерикой – просто весёлое недоразумение. Полиция в лице какого-нибудь участкового – это уже проблема.

Но этот человек Майор. Я сразу поняла, что он мужик серьёзный. Серьёзней некуда.

Он не кричал. Он даже не удерживал меня силой. Он просто держал. И в этой невозмутимости была вся мощь той самой системы, против которой мои игры в кошки-мышки были жалким детским лепетом.

Я замерла. Дышать стало нечем. В ушах зазвенела оглушительная тишина, в которой тонули и крики продавца, и гул магазина, и биение моего собственного сердца.

– Пойдём, малая! Ты арестована! – ровным голосом сообщил мне мент, и у меня в глазах потемнело от отчаяния.

Он отпустил мою руку и, схватив меня за шиворот, как нашкодившего котёнка, поволок меня к выходу.

2. Глеб

В супермаркет я зашёл за сигаретами и лапшой. "Бичпакет" с курицей – ежедневный рацион одинокого мужчины, у которого нет ни жены, ни времени, ни желания что-то менять.

За кассой, как по расписанию, сидела Вика. Увидев меня, она не улыбнулась, лишь поправила фартук на выпирающих сиськах. Наши отношения – громко сказано. Скорее, взаимовыгодная договорённость, замешенная на грязи и одиночестве. Трахались мы нечасто, по обоюдному молчаливому согласию, когда обоим до смерти надоедала собственная пустота.

Мысль о том, что её мужа, здоровенного быка, вечно пьяного и с огромными кулачищами, я упёк на зону за тяжкие телесные пару лет назад, никогда не покидала меня полностью. Она незримо присутствовала между мной и Викторией.

Иногда, глядя на её сторбленные плечи, я ловил себя на мысли, что вижу в них отголосок его ненависти. А потом мы снова занимались сексом, быстрым и безэмоциональным, как этот самый «Бичпакет», чтобы заглушить этот взгляд.

– Опять чайсы жрёшь, Дёмин? – её голос прозвучал с тихим укором, в котором читалась странная, почти хозяйская забота.

Я лишь хмыкнул, положив на ленту свой унылый ужин. Вика готовила божественно. В её руках даже самые простые продукты превращались во что-то тёплое, живое, пахнущее семьёй, которой у меня не было с детства. Это было её оружие, и она умело им пользовалась.

– Зайдёшь после работы, Глеб, я тебя покормлю? – предложила она, и в её голосе проскользнула знакомая кокетливость.

В голове тут же всплыла картинка: её тесная кухня, заставленная банками с соленьями, накрытый клеёнкой стол, тарелка с дымящимся борщом. И её усталые, ждущие глаза.

Сегодня мне было особенно лень. Лень тащиться, хотя мой отдел находился на соседней улице. Лень принимать эту подмену семейного уюта. Лень видеть в её лице напоминание о том самом деле, которое я до сих пор таскал в себе тяжёлым, холодным камнем.

– Работы много, – отмахнулся я, избегая её взгляда, и достал из кармана смятые купюры. – Давай в другой раз, Вик? Ещё две пачки сигарет дай.

Она обиженно поджала губы и взяла у меня деньги.

И тут магазин взорвался.

– Держите вора!

Вначале это был просто фоновый шум. Чей-то визгливый крик. Мне было тотально похуй, что происходит в этом царстве дешёвых цен и тоски. Но мой мозг, заточенный под работу, уже анализировал: женский голос, истеричный тон, направление – справа, у витрины с косметикой.

Я машинально повернул голову и увидел мелькающую фигуру. Белобрысая девчонка. Молоденькая совсем, скорее всего, школота. Одета в слишком яркую рубашку для обычной карманницы.

Она не бежала, а почти летела к выходу, отскакивая от продавца.

И в этот момент я поймал на себе взгляд. Не воровки, а этой визжавшей бабы. Её глаза, пылающие яростью, упёрлись прямо в меня. В мою форму. В погоны майора.

– Полиция! Что же вы стоите? – возмутилась она, тыча пальцем в сторону девчонки. – Держите вора! Ловите её!

Блять!

Сегодня я был одет по форме. Не в гражданке, в которой можно было бы сделать вид, что ты ничего не видишь и не слышишь.

На мне был мундир. Погоны. И этот крик был уже не просто криком, а прямым обращением к служебному долгу. Публичным вызовом.

Сука. Вечер был окончательно и бесповоротно испорчен. Мысленно я уже послал к чёрту и эту дуру, и всю эту ситуацию, но ноги сами понесли меня вперёд, отработывая годами заученный алгоритм. Что мне ещё оставалось?

Я сделал один длинный шаг, оказавшись ровно на траектории побега девчушки. Она, не заметив меня, уже почти выскользнула на свободу, но влетела в меня с разбегу.

На автомате я поймал её за руку.

Она замерла. В её широко распахнутых глазах торжество сменилось шоком, а затем паническим страхом. Она поняла, что попалась.

В тот миг, когда мои пальцы сомкнулись на её тонком запястье, мир для меня резко перефокусировался.

Её рука была хрупкой, почти невесомой, и от этой хрупкости моя железная хватка инстинктивно смягчилась на микроскопическую долю, не отпуская, но и не ломая.

Волна адреналина, исходящая от неё, была физически ощутимой. Я почувствовал её буквально: учащённый пульс, отчаянно стучавший у меня под пальцами, мелкую дрожь, которую она тщетно пыталась подавить. Это был не страх обычной пойманной карманницы. Это был дикий, панический ужас загнанного зверька, смешанный с яростью.

А её взгляд? Широко распахнутые глаза, в которых отражалось почти физическое падение с огромной высоты. С высоты её наглой, беспечной жизни. В них было столько огня, столько незаслуженной привилегированности и в то же время беззащитной, детской растерянности, что в его груди что-то ёкнуло.

Не жалость. Ни в коем случае. Скорее раздражённое узнавание.

Я держал в руках не просто воришку. Я держал олицетворение всего, что презирал. Избалованную, увёртливую мажорку, думающую, что правила писаны для кого угодно, но только не для неё.

С отвлечением к самому себе я почувствовал не просто профессиональный интерес. Я почувствовал дикое желание. Не как к Вике простое и физиологичное. Нет.

Это было острее, опаснее. Желание убрать с её лица этот спесивый взгляд. Разрушить её карточный домик. Вытрясти из этой дряни всю её душу.

И впервые за долгие годы моё ледяное спокойствие дало трещину, сквозь которую прорвалось что-то тёмное, первобытное, неконтролируемое и такое же уродливое, как вся моя служба.

Нужно было преподать урок этой зарвавшейся суке, раз родители ей не объяснили в своё время, что такое хорошо, а что такое плохо.

3. Глеб

Как только дверь магазина захлопнулась за спиной, и я вынес воровку, как пакет с мусором на улицу, её тушка, только что обмякшая в моей хватке, вдруг напряглась струной. Я почувствовал это сразу.

Ее взгляд метнулся в сторону. Туда, где столпилась кучка её дружков – сопливых мажоров, с округлившимися от шока и восторга глазами. Они снимали всё на телефоны. Конечно же. Для их дешёвого стриминга я стал неожиданным антагонистом.

И вот оно. Включилось.

Словно кто-то щёлкнул выключателем. Из пойманной, испуганной мыши девка превратилась в шипящую кошку. Её тело затрепыхалось в моей руке с новой, истеричной силой.

– Отстань! Руки убери, я тебя засужу! Ты знаешь, кто мой отец?! – её сорвавшийся, визгливый голосишко, резанул по ушам. – Он тебя по щелчку пальцев уволит! На дно отправит, ты понял, мусор?!

Я лишь сильнее сжал пальцы на воротнике её рубашки. «Отец» – это слово, эта мантра всех испорченных детей, у которых за душой ничего, кроме папиного кошелька.

Мне было на это плевать. На самом деле, даже не плевать, это вызывало во мне тупую, ядовитую ярость. Они все как под копирку. Одна и та же пластинка.

– И мой парень тебя убьёт! Он боксёр! Слышишь, урод? Он тебя в лепёшку превратит! – продолжала она выть, пытаясь вырваться.

Боксёр? Великий и ужасный. Я представил ушастого пацана из той стайки, и мои челюсти сами собой сжались. Ещё один клоун в её цирке?

Её угрозы не пугали. Они раздражали. Как назойливое жужжание мухи, которая считает себя королевой воздуха. Они бесили меня своей абсолютной, инфантильной верой в то, что мир вращается вокруг их хотелок.

Я молча тащил её в участок, располагавшийся практически за углом. Каждый её вопль, каждая попытка ударить меня ногой по ноге лишь подливали масла в огонь моего холодного бешенства. Она борзела не потому, что была смелой, а потому, что боялась упасть в грязь лицом перед своей паствой. Боялась выглядеть слабой в их дешёвых сторис. Эта мысль была вишенкой на торте. Её мораль, её гордость, её «лицо» – всё это было куплено папиными деньгами и держалось на одобрении таких же пустышек.

Так мы дошли до участка. Она, запыхавшаяся, с тушью, размазанной по щекам от яростных слёз, выпученными глазами смотрела на меня. В них читался уже не просто страх, а животная ненависть. И я, поздно спохватившийся о том, что забыл на кассе свои покупки.

Всё из-за этой мрази!

Я затолкал её в свой кабинет. Без церемоний. Дверь захлопнулась, отсекая внешний мир вместе с любопытными взглядами коллег. Здесь была только она, я и четыре стены, пропахшие табаком, старыми бумагами и моим вечным недовольством.

Отбрав у неё сумку, вывернул её над столом. На папки с оперативными сводками посыпались ключи от машины, айфон последней модели, косметика, кошелек в виде мордочки котёнка и тёмно-красная книжечка. Паспорт.

Я открыл его. "Ермолова Евгения Аркадьевна". Нашёл дату рождения. Мысленно подсчитал. Совершеннолетняя. Отлично. Словно камень упал с души, холодный и тяжёлый. Теперь всё было чисто. Никаких детских комнат, никаких ненужных условностей. Можно работать по-взрослому.

– Выкладывай всё, – бросил я, указывая на стол. – Всё, что украла, малая.

– Я ничего не брала! Немедленно отпустите меня.

Мои пальцы сомкнулись вокруг её горла, когда я вжал её в стену. Кожа под пальцами была обжигающе горячей, влажной от слёз и пота. Я чувствовал ритмичное биение её сердца, каждый её содрогаящийся вдох.

– Хочешь, чтобы я тебя обыскал? – мой голос прозвучал низко, почти интимно, шёпотом, предназначенным только для неё.

Она не ответила. Лишь резко выдохнула. Её глаза, огромные, полные ужаса были прикованы к моему лицу.

Я прижал её к стене сильнее, чувствуя, как её тело податливо вжимается в шершавую поверхность. Большим пальцем провёл по линии её челюсти, ощущая под кожей мелкую, как у загнанного зверя, дрожь.

Белоснежная кожа, чувственные, пухлые губы, правильные черты лица, белокурые локоны...

Красивая, зараза! Чисто куколка.

Пахло от неё приятно. Едва уловимый запах каких-то цветов, смешанный с ванилью.

Моя свободная рука скользнула вниз, медленно начала пробираться под край её рубашки. Не сводя с неё глаз, провёл пальцами по горячему участку кожи на изгибе её талии, выбив из неё очередной резкий вздох, сорвавшийся с её губ.

– Спрашиваю в последний раз, – моё дыхание обожгло её щеку. Я прижался бёдрами к её бёдрам, не оставляя сомнений в том, каким будет этот «обыск». – Хочешь?

Девчонка закрыла глаза, и по её щеке скатилась одинокая слеза. Но её тело больше не трепыхалось. Оно замерло в напряжённом, почти болезненном ожидании. И в этом молчании, в этой полной, безоговорочной капитуляции я получил свой ответ.

Уже через секунду она, всхлипывая, с ненавидящим взглядом, вытряхнула из карманов безделушки: помаду, зажигалку, блестящий брелок.

Мелочь. Дерьмо, за которое она готова была продать душу просто по приколу. Её пальцы дрожали.

Без лишних слов я взял с полки наручники, щёлкнул одной манжетой вокруг её тонкого запястья, а другой – по толстой трубе батареи под окном. Металл звякнул с финальным, неоспоримым звуком. Она ахнула, дёрнулась, но цепь была короткой, поэтому ей пришлось опуститься жопой на пол.

Вот так. Посиди, сука, и подумай над своим поведением.

Первые пятнадцать минут Евгения просто сидела, прижавшись лбом к холодной поверхности батареи, и плакала. Тихо, почти бесшумно, лишь плечи вздрагивали. Я делал вид, что работаю, глядя в монитор, но краем глаза видел всё.

Вид разбитой и униженной принцессы доставлял мне почти физическое наслаждение. Интересно, сколько продлится эта тихая фаза?

Ответ пришёл, когда я встал, залил кипятком свой "Бичпакет". Неприкосновенный запас, который мне пришлось достать из сейфа. Я всегда хранил там парочку на случай ядерной войны, а также гандоны и коньяк.

Едкий запах искусственной курицы пополз по кабинету, заставив Евгению снова открыть свой грязный ротик.

– Фу, боже, какая гадость, – её голос, хриплый от слёз, прозвучал с новой силой, но теперь в нём не было страха. Была чистая, неподдельная брезгливость. – Вы, мусора, и едите соответственно. Отбросы.

Я не реагировал, помешивая лапшу.

– И смотреть на вас противно. Сидишь тут, в этой конуре, важничаешь. Думаешь, ты кто? Ты никто! Пёс на побегушках! Мой отец таких, как ты, на завтрак ест!

Она выкрикивала это, дёргая наручниками, её лицо исказила гримаса ярости и отвращения. И что-то во мне щёлкнуло. Уже не злость, а скорее удовлетворение.

Её истинная сущность, вся эта гниль, скрытая под маской шока, выползала наружу. Она не раскаивалась. Она презирала. Презирала мой мир, мою еду, мою службу.

Я медленно повернулся к ней, с чашкой в руке. Сделал глоток бульона. Горячая, безвкусная жижа обожгла язык.

– Я тебя щас выебу, а потом наркоту подкину, если хлебало не завалишь! – пригрозил я.

Она замолчала, уставившись на меня с таким немым бешенством, что, казалось, воздух затрещал. До неё начала доходить жестокая правда: здесь Я царь и бог, а она говно, прилипшее к батарее.

Теперь мы сидели в полнейшей тишине, нарушаемой лишь шмыганьем её носа и клацаньем клавиатуры под моими пальцами.

Я пробил Ермолову по базе. Никаких приводов. Вообще никаких нарушений, если не считать пары штрафов за парковку в неполюженном месте.

Неудивительно. Чистенькая, как и все мажорики.

Я планировал продержат девчонку дотемна и выпустить, когда её борзость неизбежно трансформируется в апатию. Больше я ничего сделать не мог. Безделушки, что она стащила, не тянули на статью. Даже "хулиганку" ей не пришьёшь. Я понимал это с самого начала, поэтому особо ни на что не рассчитывал.

Но тут у Евгении зазвонил телефон.

"Папочка" – высветилось на экране.

Не раздумывая я взял трубку и представился.

– Что случилось? – спросил встревоженный мужской голос.

– Ваша дочь сейчас у меня в кабинете. Если вам нетрудно, заберите её отсюда. Я на месте вам всё объясню.

– Сейчас буду, – пообещал "папочка", предварительно уточнив у меня адрес отделения.

– Ну, всё, мент позорный! Пиздец тебе. Понял? – нервно расхохоталась Евгения. – Я же тебя предупреждала, козёл вонючий!

Я ничего не ответил не потому, что не боялся её "папочку", а потому что мне было до фонаря, кто там сейчас приедет.

Службу я свою любил и уважал, но если уж реально попрут из-за этой мелкой паразитки, просто потому что она чья-то там дочурка...

Грош цена моим погонам, и на хую я вертел такую службу.

Заебало.

4. Женя

Холодный металл наручников впивался в запястье, но эта боль была ничто по сравнению с огнём, пылавшим внутри. Я сидела, прижавшись спиной к грязной, пузырящейся краской батарее, и смотрела в обшарпанный линолеум, но видела не его. Я видела их лица.

Лица своих друзей. Тёмы, Анютки, Дианы. Их шокированные, округлившиеся рты, их глаза, выхватывающие меня объективами камер на телефонах. Я была их королевой, центром вселенной, которая вращалась вокруг моих выходов. А он этот мент этот урод в заношенном мундире он выволок меня из магазина, как тряпку. Как какую-то шлюху.

От одной этой мысли по телу разливалась жгучая волна стыда. Я снова чувствовала его железную хватку на своем воротнике, слышала свой собственный визгливый, унижительный голос, умоляющий, угрожающий. И все это на глазах друзей. Они все сняли. Прямо сейчас, наверное, это уже гуляет по чатам. «Падение Женьки Ермоловой». «Королева в кутузке! Смотреть до конца. Ржака».

О! Как же я ненавидела этого мента!

Тихой, слепой, всепоглощающей ненавистью, от которой перехватывало дыхание и сводило челюсти. Я представляла, как мой отец, холодный и всемогущий, одним звонком стирает его с лица земли. Лишает погон, вышвыривает с работы, заставляет ползать и умолять о пощаде. Я видела, как мой парень, Макс, с его кулаками боксёра, бьёт этого мента по его наглому, невозмутимому лицу, ломает его нос, заставляет захлебнуться собственной кровью. Как его зубы разлетаются по асфальту.

Он сидел за своим столом, листал бумажки, и его спокойствие было хуже всего на свете. Он украл у меня не только сегодняшний вечер. Он украл мой статус. Мою неизбежность. Он показал всем, что я – не неприкосновенная богиня, а просто соплячка, которую можно взять и пристегнуть, как собаку.

Он заварил какую-то дрянь, и вонь дешёвой лапши заполнила кабинет. Это было верхом издевательства. Он унизил меня, а теперь просто, блять, ужинает. Как ни в чём не бывало.

Я сглотнула ком в горле, чувствуя, как слёзы снова подступают, но я с гордостью их сдержала. Нет. Он не увидит больше моих слёз. Только ненависть. Я буду ненавидеть его, пока не задохнусь. Я буду мстить. Я уничтожу его. Я заставлю его пожалеть о том дне, когда он посмел до меня дотронуться, когда просто посмотрел на меня.

– Я в туалет хочу, – вздёрнув подбородок, бросила я Дёмину.

Он поднял на меня глаза. Взгляд тёмный, тяжёлый, как свинец. И в его глубине я прочитала не злорадство, а холодный, почти научный интерес. Как будто я была не человеком, а подопытной крысой.

И от этого стало ещё страшнее.

– Сочувствую, – ответил мент, но по его лицу было видно, что на самом деле ему наплевать.

– Ты не имеешь права! Это приравнивается к пыткам! Я сейчас здесь напишу!

– Ссы! Я тебя носом в лужу натыкаю, как котёнка. Будешь языком с пола слизывать мочу. Хочешь?

– Козёл! – сквозь зубы выплюнула я.

Это всё, что я могла сделать. Самое ужасное было в том, что я реально захотела в туалет, но умолять было ниже моего достоинства. Тем сильнее была моя ненависть к майору.

Этот урод совсем попутал берега, когда осмелился взять в руки мой телефон и ответить на звонок. Сам того не зная, он подписал себе приговор.

Теперь я вся горела от ожидания. Вот сейчас. Сейчас заскрипят тормоза, хлопнет дверь, и сюда, в эту вонючую конуру, войдёт мой отец. Одного его взгляда хватит, чтобы этот выскочка-майор упал на колени.

Я уже представляла, как он, бледный, будет заикаться, лепя оправдания, а папа холодным тоном отдаст приказ о его увольнении. Я мысленно репетировала свою роль оскорблённой невинности, жертвы полицейского произвола.

И вот папа появился. Не врываясь, а просто войдя. Его дорогой костюм казался инородным телом в этой обшарпанной обстановке. Его лицо было не гневным, а усталым. Смертельно усталым.

Я уже открыла рот, чтобы излить всю свою обиду, но он даже не посмотрел на меня. Его взгляд был прикован к Дёмину.

– Аркадий Николаевич? – ровно, без тени подобострастия, произнёс майор.

И тут произошло странное. Папа не спешил его унижать. Не кричал. Он повернулся ко мне. И в его глазах я не увидела ни защиты, ни гнева. Я увидела холодное, как лёд, отвращение.

– В машине меня подожди, Евгения! – голос был неестественно тихим.

Дёмин молча подошёл ко мне и отстегнул меня от батареи. Я с облегчением растёрла горевшее огнём запястье и неуклюже поднялась с пола. Ноги затекли, а этот мудака мне даже руку не подал.

– Папа, он... – открыла я было рот.

– Вышла отсюда! – рявкнул на меня отец.

Я онемела, не двигаясь с места. Воздух вылетел из легких. Это был совершенно не тот сценарий. Это была не та реальность.

Мент смотрел на меня всё так же высокомерно, будто появление моего папы ничего не изменило.

Я окончательно охренела, когда отец схватил меня за руку так, будто брал какую-то грязную вещь, и вышвырнул из кабинета в коридор.

– Сеня, – крикнул он своему охраннику. – Уведи её отсюда!

Громила незамедлительно подскочил ко мне, но я жестом остановила его.

– Руки! Сама дойду!

Мне было капец как интересно, что там происходило дальше в кабинете Дёмина, но пришлось топтать в папин джип, по дороге заскочив в туалет. Я реально чуть не описалась. Страшно представить, что было бы, задержись папа хотя бы на полчаса.

Казалось, папа пробыл у Дёмина вечность. Я ёрзала задницей по сиденью от нетерпения. Все глаза проглядела, гипнотизируя крыльцо мусарни.

Папу, наверное, инфаркт чуть не хватил, когда он увидел свою единственную дочурку заплаканную, прикованную наручниками к батарее? Это он ещё не в курсе, что меня в туалет не пускали.

Наконец, папа вышел. Он покурил у крыльца отделения, и охранник открыл ему дверь в машине.

Папа влез ко мне на заднее сиденье и кинул мне мою сумку, которую растребушил Дёмин. Я открыла её, чтобы проверить содержимое. Может, этот мент у меня деньги украл из кошелька, кто его знает? Они же там копейки зарабатывают, поэтому и злые такие.

Машина уже тронулась с места, когда я обнаружила, что не хватает ключей от моей спортивной.

– Пап, тормози! – потребовала я. – Ключи от моей машины...

– Я забрал, – сообщил папа. – Теперь Игорь будет возить тебя в университет и забирать.

– Что?

– Карты твои я тоже заблокировал. Хватит с меня, блять!

Сказать, что я была в шоке – не сказать ничего. Я смотрела на отца непонимающим взглядом, а он на меня вообще не смотрел. Отвернулся в окно и едет. Что происходит?

– Я не знаю, что там тебе наговорил этот мусор...

– Замолчи! – взорвался папа, повернувшись ко мне, и мне стало страшно. – Ничего нового он мне не сказал. По всему интернету гуляют ролики, как моя дочь меня позорит!

Эти уроды всё же слили видосы в сеть? Вот же гадство!

– Папа, всё вообще не так, как ты думаешь. Этот Дёмин...

– Завтра вернёшь награбленное и извинишься перед персоналом магазина, – продолжил отец, как будто вообще меня не слушал.

– Я не буду этого делать! Я ни в чём не виновата! – упрямо заявила я.

– Я сейчас остановлю машину и высажу тебя, Женька! – пригрозил отец. – Пиздуй на все четыре стороны. Тебе уже двадцать лет. Пора жить своей жизнью. Мне не звони. Забудь, что я вообще существую, раз такая умная!

Я прикусила язык, потому что возразить было нечего. Идти мне было некуда, жить не на что. К тому же за мою учёбу тоже было нужно кому-то платить.

Я не собиралась жить в подворотне, в то время, как моя мачеха Светка пьёт шампанское на Мальдивах.

– Ладно, извинюсь, – буркнула я. – Ключи от машины отдай тогда. Я без машины не могу.

– Сможешь. С сегодняшнего дня ты под домашним арестом. Она тебе не понадобится, как и карты. Зачем тебе деньги, если ты ворует?

– Это слишком сурово, папа.

– Это не всё, Евгения. Перед этим, как ты его назвала "мусором" тоже придётся извиниться.

– Нет, только не это! – воскликнула я и разревелась в голос. – Папа, пожалуйста! Он ужасный человек.

– Ужасный человек – это ты, Женя. И ты охуела в край! Пора начать отвечать за свои поступки.

Вернуть украденное... Извиниться...

Перед этим мусором в погонах.

Это был не просто конец света. Это было хуже. Дёмин сломал мой мир. Он показал мне, что я никто. Противная, избалованная девчонка, которой перекрыли кислород.

Но самый страшный удар нанёс мне не майор. Его нанёс мой отец. И этот удар был подлым, почти смертельным и незаслуженным.

5. Глеб

Дверь закрылась за этой разбалованной фурией, и в кабинете стало легче дышать. Я стоял, опершись о стол, и чувствовал, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя лишь привычную, свинцовую усталость.

Ермолов, повернулся ко мне. Я ожидал всего: ледяного высокомерия, завуалированных угроз, попытки давить авторитетом. Я был готов ко всему, кроме того, что последовало.

Он не стал ничего говорить о поступке Евгении. Не стал оправдывать дочь. Он просто ссутулился. Плечи этого могучего, уверенного в себе человека вдруг обвисли. Он провёл рукой по лицу, и в этом жесте была такая неподдельная, измотанная заёбанность, что я её узнал. Она была моей собственной.

– Глеб Михайлович, – его голос был глухим, без единой нотки пафоса. – Прошу прощения. За её поведение. За то, что отняли у вас время.

Я молчал, наблюдая. Это был не блеф, не отмазка богатого папаши. Это было просто по-человечески.

– Сам не знаю, как так вышло... Воспитывал один, – он продолжил, глядя куда-то мимо меня, в стену. – После жены баловал. Спускал всё. Думал, деньгами откуплюсь. А в итоге – он горько усмехнулся, – в итоге вырастил монстра, который позорит мою фамилию.

Он посмотрел на меня прямо. И в его глазах я не увидел ни капли лжи. Только стыд и солидарность. Солидарность мужчины, который тоже несёт свой крест, пусть и совершенно иной.

Ермолов достал портмоне и вытащил одним движением из него всю наличку.

– За беспокойство, – положил он на стол приличную стопочку новеньких крупных купюр. – Если мало...

– Уберите! – резко ответил я.

Я никогда не отказывался от денег. Если можно было взять, я всегда брал. Всегда.

А сегодня...

– Я же от чистого сердца, – настаивал Аркадий Николаевич. – Наверняка у вас есть дела поважнее?

– Я же сказал...

– Идеальный, что ли? – прозвучало, как насмешка, но деньги Ермолов убрал. Потом протянул мне руку. После секундной паузы я пожал её. Его рукопожатие было крепким, честным.

– Спасибо, майор. Спасибо...

Он вышел, оставив меня в полном недоумении.

Ермолов оказался нормальным мужиком. Не отцом-подлецом, покрывающим негодяйку, а человеком, который увидел проблему и принял её, не пытаясь свалить на других. Который извинился не потому, что должен, а потому, что был по-настоящему зол и расстроен.

Я сел в кресло, всё ещё чувствуя в своей ладони тепло его рукопожатия. Впервые за долгие годы в моё равнодушие пробилось что-то похожее на уважение и ещё более горькое осознание.

Иногда самое тяжёлое наказание для такого человека, как я, – это столкнуться с чьей-то нормальностью. Она заставляет острее чувствовать всю уёбищность собственного, искалеченного мира.

Почти в полночь дверь моей квартиры захлопнулась, отсекая от меня внешний мир.

Тишина.

Наконец-то тишина. Не та, что в участке – напряжённая, наполненная гулом голосов, скрипом стульев и вонью чужих проблем. А моя. Гробовая, безжизненная и успокаивающая.

Щёлкнув выключателем, я смачно выматерился и вернулся на площадку. Электричества в квартире не было, потому что я снова забыл заплатить за него.

Открыв щиток, привычным движением я сдёрнул жёлтый скотч опломбировки с рубильника и поднял его вверх.

Свет в прихожей вспыхнул, и я вернулся в свою берлогу. По-другому и не скажешь.

Прихожая была крошечной. На вешалке висело два безликих тёмных свитера, куртка и сменный комплект формы. Ничего лишнего.

Пол под ногами был холодным, линолеум протёрся до основы в местах самого частого хождения.

Я скинул куртку, бросил её в угол и прошёл в зал. Вернее, в комнату, которая служила всем сразу. Спальной, гостиной, кабинетом и хранилищем для зимней резины.

Воздух был спёртым, прокуренным. Я никогда не распахивал окно настежь. Боялся, что внутрь ворвутся чужие звуки, чужие жизни, которые мне были не нужны.

В центре стоял потёртый диван. На нём скомканная постель. Рядом журнальный столик, заваленный бумагами, пепельницей с окурками и пустой кружкой.

Никакого телевизора, который тупо не было времени смотреть.

У стены простой деревянный стол. Мой рабочий. На нём ноутбук, стопка законспектированных дел, несколько карандашей, заточенных до остроты иголки. И фотография в простой железной рамке. Старая, выцветшая. Я на ней совсем шегол, а рядом

Я резко отвёл взгляд и ушёл на кухню, где всё было таким же убогим и пустым. В раковине грязная посуда, древняя плита, на которой стоял сиротливо чайник. Духовкой я ни разу не пользовался. Внутри духового шкафа, под нижней панелью внутренней облицовки я хранил разные важные бумажки, компрометирующие нужных мне людишек. По своему опыту знал, что при обыске туда никто не заглядывает, пока никто не додумался ещё на моём веку, так что место было вполне безопасным, если не включать духовку.

У меня была ещё спальня, но она стояла закрытой за ненадобностью. Там я хранил рулоны обоев, которые купил в надежде, что однажды я сделаю ремонт. Сколько прошло времени? Пять, десять лет?

Я даже кровать купил. Большую, двуспальную, но она так и осталась стоять в упаковке.

Баб я домой не водил, трахал, где придётся. А меня и диван устраивал.

Я подошёл к раковине, сполоснул лицо ледяной водой. Вода стекала по коже, смывая остатки дня – адреналин от поимки той мажорки, её визг, её ненавидящий взгляд, усталое лицо её отца.

Развалившись на диване, я глотнул крепкий чёрный кофе и закурил, глядя в потолок. В берлоге было уныло, пусто, но вполне комфортно. Здесь не на кого было давить, не нужно было быть майором Дёминым. Здесь можно было просто быть никем. Мешком из плоти и костей, уставшим от собственного существования.

И в этой гнетущей, привычной тишине я оставался наедине с собой, со своим долгом, со своей пустотой. И с тенью той самой фотографии на столе, которую я так и не решался убрать.

Фотография.

Она стояла на столе, как незаживающая рана, которую я бередил каждый день. Простая, китайская железная рамка, уже слегка проржавевшая по углам. Стекло, которое я никогда не протирал, покрылось тонким слоем пыли, смягчая черты лиц.

Снимок был старый, ещё плёночный, цвета выцвели до грязно-жёлтых и блёкло-голубых оттенков. На нём я. Мне было лет двадцать пять. Не майор, а лейтенантик, только что выпустившийся из академии. Лицо другое. Не заросшее щетиной, не иссечённое морщинами усталости и цинизма. В глазах не безразличие, а какой-то глупый, наивный огонь. Вера в то, что я могу что-то изменить.

И она. Рядом. Прижавшись ко мне плечом.

Катя.

Её светлые волосы были заплетены в одну толстую косу, перекинутую через плечо. Она смеялась, щурясь от солнца, и в уголках её глаз собрались лучики счастья. На ней было простое ситцевое платье, и своей рукой, тонкой и жилистой, она сжимала мою руку так крепко, словно боялась, что я уйду.

Мы стояли на фоне водоёма, на самом деле грязного городского канала, но на снимке это выглядело как идиллия.

Счастье. Глупое, простое, беззаботное.

Кати не стало через полгода после этого снимка. Глупая, нелепая случайность. Пьяный водитель, скользкая дорога. Одна секунда.

Сынок депутата, которого отмазал папаша. Я рвал и метал, требуя справедливости и возмездия, но всё было без толку. А потом этот сопляк просто сдох от передоза.

Я хотел его покарать. Я. Это должен был быть я. А он просто взял и подох. Вместо того, чтобы мучиться, нести наказание, каяться.

Он исчез, а я остался.

Нет, я не пошёл под откос. Я не запил. Я как будто зацементировался. Стал тем, кто я есть. Железной машиной, которая не даёт сбоев. Которая не привязывается, не сочувствует, не сопереживает. Которая живёт в берлоге и ест «Бичпакеты», потому что это просто топливо. Которая презирает таких, как Ермолова, потому что они играют в опасные игры с жизнью, которую сами не ценят.

Я никогда не убирал фотографию. Она была моим напоминанием. Не о любви, нет.

О том, что любая уязвимость будет использована против тебя миром. Что за любым светом придёт тьма.

Я сделал последнюю затяжку, потушил окурок и откинулся на подушку, закрыв глаза. Но даже сквозь веки я видел Катю – улыбающуюся, полную жизни, на фоне той самой, давно не существующей речки.

Самое страшное наказание, которое я мог придумать себе, чтобы хоть что-то чувствовать. Расковыривать каждый день эту рану, чтобы убеждаться, что я всё ещё жив.

6. Женя

Машина отца неслась по вечернему городу, а я сидела, вжавшись в кожаное сиденье, и молчала. Боялась даже рот открыть, потому что знала, что любое слово вызовет новый шквал нотаций.

Едва джип замер у крыльца нашего особняка, я выскочила, не дожидаясь, пока водитель папы откроет мне дверь, как делал всегда. Я мчалась по мраморным ступеням, желая поскорее смыть с себя всё: запах полицейского участка, запах майора, запах унижения.

Я долго стояла под струями воды, пытаюсь стереть с себя память о прикосновениях ужасного мента.

Особенно одно.

Перед глазами, как навязчивая картинка, стоял он – майор Дёмин. Его потемневшие, холодные глаза, в которых не было ни капли страха перед моими угрозами. Его низкий, ровный голос, проникающий в душу. И его рука

Я провела пальцами по коже на талии, точно по тому месту, где его пальцы, твёрдые и уверенные, трогали меня, забравшись под ткань моей рубашки. Память тела оказалась живее памяти разума. Я снова почувствовала этот контакт – порочный, обжигающий. Жёсткий нажим его ладони, тепло, исходящее от его кожи. Живот сжался, по коже побежали мурашки, будто это майор трогал меня прямо сейчас.

Это было оскорбительно. Унизительно. Это было посягательством на мою неприкосновенность.

Сквозь мою кипящую ненависть, как ядовитый сорняк, пробивалось нечто другое, отчего становилось ещё противнее. В его жестокости была какая-то дикая, животная сила. В его невозмутимости – пугающая уверенность.

Дёмин не был похож на плюшевых мальчиков из моего окружения, которые прыгали вокруг меня, как щенки. Он был мужественным, взрослым, зрелым, опасным. И от этого по спине пробегал не только холодок страха, но и странный, предательский трепет.

Я вышла из душа, завернулась в махровый халат и, уставившись на своё отражение в зеркале, попыталась представить его рядом. Не в его кабинете, а здесь. Его сильные руки на моих плечах. Его взгляд, пристальный и властный. Жар дыхания на моей шее...

От этой мысли по телу разлилось тепло, смешанное со стыдом.

Было что-то невероятно сексуальное в этой самой, ненавистной мне силе. Это... возбуждало.

Для таких случаев снимают те самые порно ролики с наручниками и полицейскими? Надо будет глянуть на досуге.

Ужин был похож на изошрённую пытку. Я сидела, отодвинув тарелку с идеально приготовленным стейком, и чувствовала, как каждый мускул на моём теле напряжён до предела.

Появление Максима не стало утешением. Его круглая, чуть туповатая физиономия, его накачанные от занятий боксом плечи – всё это сегодня казалось бесячим и дешёвым. Он был мальчиком, а сегодня я столкнулась с женщиной.

Отец молчал, пока Максим со Светкой трещали о какой-то фигне. А потом папа отложил вилку, и я поняла: сейчас начнётся.

– Нашу принцессу сегодня чуть не упекли в тюрьму, – его голос прозвучал ровно, но каждый удар был отточен, как лезвие. Он смотрел на Максима. – За воровство в магазине.

Максим поперхнулся водой. Его глаза округлились.

– Боже, Женя Серьёзно?

Но прежде чем я успела что-то бросить ему в ответ, с другой стороны стола раздался сладкий, омерзительный голосок.

– Аркаша, ну зачем ты так? – это сказала моя драгоценная мачеха. Она отодвинула салфетку, и её силиконовая грудь, оплаченная моим отцом, упруго подпрыгнула. – Ну, подумаешь, баловство! Девочке скучно, она поприкальвалась. Все через это проходят.

Я смотрела на неё, и ненависть подкатывала к горлу кислым комком. Эта мымра была всего на десять лет старше меня. Она вечно играла в добрую фею и заступалась за Макса. Почему? Может, потому, что он был из «народа», как она сама когда-то, и его присутствие слегка уравнивало этот давящий пафос нашего дома? А может, ей просто нравилось меня бесить, показывая свою мнимую снисходительность?

– Это не баловство, Светлана, – холодно парировал отец. – Это уголовно наказуемое деяние. И её поймали. С позором.

– Ну, поймали и поймали, – она взмахнула наращенными ресницами. – Макс, ты бы лучше за своей девушкой приглядывал? Держал бы крепче, она бы по магазинам одна не шлялась.

Максим смущённо хмыкнул, и его уши покраснели. Этот идиот даже не понимал, что его просто используют в этой идиотской игре.

Каждое их слово, каждый взгляд подливали масла в огонь, который пылал у меня внутри. Они сидели тут, в отцовском доме с дорогим вином и едой, и разговаривали обо мне, как о непослушной собачке.

Я ненавидела их всех. Отца – за его публичную порку. Светку – за её лицемерное заступничество. Макса – за его слабость и недалёкость.

– Хватит! – вырвалось у меня наконец. – Надоели! Вы меня уже достали!

Я выбежала из столовой и заперлась в своей комнате.

Через пять минут дверь в моей спальне тихо скрипнула. Я лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку, не желая никого видеть и слышать.

– Жень – послышался неуверенный голос Макса.

Я не повернулась. Слышала, как он крадётся по мягкому ковру, как присаживается на край матраса. Его тяжёлая, знакомая рука легла на моё плечо.

– Не кипятись, успокойся, – он пробормотал, и его губы прикоснулись к моей шее.

Его поцелуй был влажным, настойчивым. Пах он каким-то стрёмным туалетным освежителем и потом. Раньше меня это не раздражало.

А сейчас Сейчас его прикосновения казались неприятными, навязчивыми. Они не успокаивали, а вызывали тошноту. Перед глазами, как приклеенное стояло другое лицо. Хмурое, с голубыми глазами и твёрдым подбородком. Руки, которые сжимали не с неуверенной лаской, а с железной, неоспоримой силой.

– Отстань, Макс, – я резко дёрнула плечом, сбрасывая его руку.

– Да ладно тебе, – он попытался приобнять меня снова, его дыхание стало утешённым. – Всё уже прошло. Забудь.

«Забудь»? Легко сказать. А как забыть тот взгляд? Как забыть ощущение его пальцев на своей коже, под рубашкой? Это воспоминание было, как ожог – саднило, пульсировало и не давало покоя.

Я перевернулась на спину и уставилась на Макса.

– Жень, мы уже год встречаемся... Может, пора перейти к чему-то более серьёзному?

Руки Макса ухватились за мою грудь, но это вызвало ещё большее отторжение во мне.

И тут во мне что-то щёлкнуло. Да. Именно так.

– Ты должен за меня отомстить, – требовательно выдохнула я.

Макс замер, и его любовный пыл мгновенно угас.

– Что? – он не понял.

– Этот мент. Майор Дёмин. Ты должен найти его и отпиздить. Так, чтобы он запомнил. Чтобы ему, твари, мало не показалось!

Я села, поправляя на себе одежду. Ярость, которую я не могла выплеснуть на отца и Светку, нашла себе выход. Я представила, как Макс, с его кулаками боксёра, бьёт этого Дёмина. Как тот самый железный, непробиваемый взгляд наполняется болью и унижением. От этой картинке по телу разлилось сладкое, мстительное удовлетворение.

– Пиздец... Женька, ты в своём уме? – Макс смотрел на меня с глупым изумлением. – Это же коп. Меня самого потом в тюрьму упекут!

– Ты что, зассал? – я язвительно рассмеялась, вставая с кровати. – Ты же всё время хвастаешься, какой ты крутой боксёр на ринге! А на деле не можешь даже за свою девушку постоять? Он меня оскорбил, и я требую возмездия!

Я видела, как он внутренне сжимается. Его мужское самолюбие столкнулось с примитивным инстинктом самосохранения и проигрывало с позором.

– Это не по-пацански, – пробормотал он, отводя взгляд. – С ментами так не шутят.

– Ты что, меня совсем не любишь? – взвизгнула я. – Пошёл ты на хуй, Макс!

– Жень...

– Убирайся! Видеть тебя не хочу, трус вонючий! Между нами всё кончено!

Он не заставил себя ждать. Вышел, по-собачьи поджав хвост. Дверь закрылась, и я снова осталась одна.

Мстить за себя походу придётся мне самой. И я не знала, как, но знала, что обязана это сделать.

7. Женя

Утро пришло слишком быстро. Я лежала, уставившись в потолок, и слушала, как за стенами моего кокона-спальни просыпается дом. Привычные звуки: шаги горничной, отдалённый гул кофемашины, голос отца по телефону.

Сегодня эти звуки казались зловещими. Каждое из них было напоминанием: сейчас придётся выйти. Сейчас придётся столкнуться с миром.

Я не знала, как появиться в универе.

Мысль об этом заставляла сердце бешено колотиться, а ладони становились ледяными и влажными. Я представила себе длинный коридор, полный любопытных, хихикающих лиц. Все они уже видели эти видосы, набравшие тысячи просмотров. Видели, как меня, Евгению Ермолову, волокут, как щенка, за шиворот. Видели моё заплаканное, перекошенное от ярости лицо на тех самых видео, что снимали мои же «друзья».

«*Принцессу – в наручники!*» – эта фраза, которую я сама мысленно придумала вчера, теперь казалась реальным заголовком над всей моей жизнью.

Я медленно поднялась с кровати и подошла к окну. Моя тачка сиротливо стояла во дворе, но ключей у меня не было. Мне предстояло ехать вместе с отцом в универ – уже одно это было унижением.

Я долго стояла перед гардеробом, перебирая платья, костюмы, джинсы. Всё казалось неправильным. Слишком яркое выглядело бы как вызов, как попытка прикрыть роскошью свой позор. Слишком простое – признание поражения. В конце концов, я надела простые чёрные брюки и серый свитер, словно пытаюсь стать невидимкой.

Спускаясь по лестнице, я почувствовала на себе взгляд. Светка стояла в дверях гостиной с чашкой кофе, и на её лице играла едва заметная, торжествующая улыбка. Она ничего не сказала. Ей и не нужно было ничего говорить. Её взгляд был весьма красноречив: «*Ну что, королева, как ощущения после падения с трона?*»

Я проигнорировала её, прошла на кухню, но не могла заставить себя проглотить ни куска. Казалось, что любой съеденный завтрак тут же выскочит наружу от одного только напряжения.

– Жень, давай поговорим? – сказал папа по дороге в университет.

Моё сердце ёкнуло. Надежда. Жалкая, ничтожная надежда тронула душу.

– Ты осознала свою вину? – спросил он без предисловий. Его взгляд был тяжёлым, как гиря.

Я кивнула, опустив глаза. Что ещё мне оставалось делать?

– И раскаиваешься?

– Да, – прошептала я, сжимая пальцы. Раскаиваюсь лишь в том, что попалась.

– Хорошо. Тогда докажи. Сними на видео свои извинения. Обратись к администрации магазина, продавцам и к тому майору. Скажи всё, что должна сказать. Искренне.

– Пап – голос мой дрогнул. – Зачем снимать? Ты мне не веришь?

– Нет, – его слово отрезало все возражения. – Ты публично опозорила своё имя. Публично же и будешь заглаживать вину. Извинения покажешь мне, и тогда мы поговорим о твоих картах и машине.

Он не стал говорить «верну». Он сказал: «может быть, поговорим». И это было хуже любого отказа. Это была пытка надеждой.

– Ладно, – обречённо выдавила я из себя.

– Доченька, я очень тебя люблю, – вдруг произнёс папа и обнял меня. – Я волнуюсь. Знаю, что мало уделяю тебе внимания... Хочешь, поедем на каникулах отдохнём? Вдвоём?

– Без Светки? – удивилась я.

– Только ты и я. Место сама выбери.

Папа чмокнул меня в висок, и я поняла, что он не безнадёжен. Ещё не всё потеряно.

С удовольствием посмотрю на лицо мачехи, когда папа скажет, что мы не берём её с собой в путешествие. Только ради этого можно было поехать.

Стоило машине остановиться у главного корпуса университета, как моё горло сжалось. Я видела их. Группы студентов, которые, казалось, смотрели прямо на меня. Мне почудился сдавленный смех, шёпот за спиной.

Я сделала глубокий вдох, подняла подбородок и вышла из машины, пытаюсь придать своему лицу привычное, надменное выражение.

Но стоило мне сделать первые шаги, как чей-то громкий, фальшивый кашель донёсся из толпы: «Кхе-кхе *Держи вора!*»

Хохот. Громкий, неприкрытый. Кто-то другой крикнул: «*Принцесса, а где твоя корона?*»

Я шла, глядя прямо перед собой, но щёки пылали огнём. Каждый мой шаг отдавался в висках. Каждый взгляд, брошенный в мою сторону, ощущался как физический удар. Они не просто смеялись. Они радовались моему падению. Радовались, что королева, наконец, оказалась в грязи, где и должно быть её место.

– Не обращай на них внимания! – раздался голос Дианы рядом со мной. – Они просто завидуют твоему успеху.

– Какому, блять, успеху? Зачем вы выложили видосы? – набросилась я на подругу.

– Это Тёма! Я ничего такого не делала, клянусь!

Разницы уже не было, кто именно меня подставил. Дело сделано. Подруга с пристрастием допросила меня о том, что было в ментовке.

– И теперь папа требует, чтобы я сняла на телефон, как я извиняюсь, иначе я остаюсь без бабок и тачки, – жаловалась я. – Но самое стрёмное, что и перед этим мусором придётся извиняться. Я его убить готова, понимаешь?

– А он ничего такой... Этот майор, – мечтательно протянула Диана, и меня передёрнуло. – Высокий и на лицо симпатный.

– Ты меня вообще слушаешь? Он конченный! Я хочу ему отомстить, но не знаю как.

– Попроси его при встрече показать член, – захихикала Диана.

– Чего?

– Спроси, мол, вы такой злой, потому что у вас член крошечный? Поэтому вы отыгрываетесь на красивых, беззащитных девушках? А потом попроси его показать причиндалы. Он, естественно, ничего показывать не станет, и это будет выглядеть как признание факта.

– Он мне голову оторвёт за такие вопросы, – покачала я головой, потому что идея Дианы казалась мне безумием.

– Да ничего он тебе не сделает. Ты, главное, видосними, и позор ему обеспечен. Он на весь мир прославится со своей маленькой пипиской.

Все пары я только и думала о члене майора Дёмина. Насмешки студентов меня так доконали, что идея Дианы уже не казалась такой уж дичью. Тем более что ничего другого я не придумала, а жажда мести разгоралась лишь сильнее с каждым смешком и подколочкой одногруппников.

8. Глеб

Утро началось с привычного ритуала: жужжание компа, остывший кофе и куча самых разных звонков. Когда я, наконец, дотянулся до папки с делом, снова зазвонил телефон. На экране – «Мама».

Я почувствовал, как сжалось всё нутро. Я знал, о чём будет разговор. Приближалась та самая дата.

– Глебушка, здравствуй, – голос мамы, как всегда, тихий и усталый. – Как ты?

– Нормально, мам. На работе.

Неловкая пауза. Она всегда их заполняет вздохом.

– Ты же помнишь у папы скоро юбилей.

Помнил. Как мог забыть? Эта цифра уже неделю горела на календаре в моём мозгу красным, предупреждающим цветом.

– Сынок, десять лет прошло. Может, хватит? Миша стареет. Болеет. Может, пора поговорить?

«Пора». Слово, от которого во рту появляется вкус железа. Я смотрел в окно на серый двор, но видел другое. Ту самую, размокшую от дождя трассу. Свет фар. И её лицо. Катину. Мёртвое, белое, холодное.

А потом отца, в полковничьем мундире, который не смотрел мне в глаза, когда говорил: «Ничего нельзя сделать, Глеб. Его отец Ты же сам всё понимаешь».

Я понимал. Понимал, что система, которой он служил, оказалась сильнее его. Сильнее справедливости. Сильнее жизни моей девушки. И он смирился. Сложил полномочия. А я не смог.

Лютой, холодной обиды, которую я носил в себе все эти годы, хватило бы, чтобы отравить целый город. Она была моим крестом, заставляла меня быть жёстким, непреклонным, тем самым «железным майором», который не даёт спуска никому. Особенно мажорам.

– Мам, – голос сел, и я прочистил горло. – Передай, что я его поздравляю. Искренне. Желаю ему здоровья и долгих лет.

Я сказал это ровно, без выражения. Выучил эту фразу, как мантру, чтобы не сорваться.

– Глеб! – в голосе мамы послышались слёзы. – Он твой отец!

– Я всё ещё не забыл Катю, – отрезал я, и в трубке повисла гробовая тишина.

Это имя мы не произносили вслух уже много лет. Оно висело между нами призраком на каждом празднике, в каждом разговоре.

– Я я передам отцу твои поздравления, – наконец, выдохнула мама сдавшись.

Мы ещё минуту поговорили о пустяках, и я положил трубку.

«Передай, что я его поздравляю».

Это было всё, что я мог сделать. Потому что за этими словами стояла пропасть из десяти лет молчания, одного несмываемого пятна крови на асфальте и вопроса, на который у меня до сих пор не было ответа: как можно было ничего не сделать?

И меньше всего на свете я хотел сейчас видеть Ермолову, но она припёрлась. Даже постучалась в кабинет, прежде чем войти.

Я достал из ящика стола побрякушки, что она вчера стащила, и молча положил на стол. Мечтая только о том, чтобы она поскорее ушла, и я больше никогда в жизни о ней не слышал.

Евгения вошла в мой кабинет с тем же видом оскорблённой королевы, что и вчера, но в её глазах плелась новая, хитрая злоба. Я почувствовал это сразу, как дикое животное чувствует смену ветра. Она что-то задумала.

– Я пришла, чтобы извиниться, – заявила она, и её голос был приторным, но с ядовитой горчинкой. – Папа просил снять всё на телефон, если ты не против, гражданин начальник.

Снова не соблюдает субординацию? Тыкает? Издевается? Что ж, будем бить тем же оружием.

– Если ты не против, я тоже сделаю запись, – я взял в руки свой мобильник и, включив камеру, поставил его на своём столе.

– Зачем? – растерялась Ермолова.

– Буду пересматривать долгими, одинокими вечерами, – усмехнулся я. – Начинай!

Она проскрипела заученный текст, глядя на меня с ненавистью. Я видел, как её пальцы сжимают телефон.

Ни капли раскаяния, ни толики искренности. Нихуя она не осознала. Аркадий Николаевич приказал ей извиниться, только поэтому она здесь.

Теперь она ждала чего-то. Какой-то моей реакции. Одобрения с моей стороны.

– Теперь ты проси прощения, – выпалила она, и в её тоне послышалось торжество.

Я коротко, беззвучно рассмеялся. Внутренне. Снаружи лишь поднял бровь. Она действительно живёт в какой-то своей, выдуманной реальности, где все ей должны?

– Дело в том, мелкая паразитка, что мне не за что извиняться, – парировал я, кивнув на ее вчерашние «трофеи». – А теперь возьми эту хуйню, отнеси туда, где взяла, и убирайся из моего кабинета. Миссия выполнена. Но я тебя не прощаю.

Она не уходила. Она стояла, вся напрягшись, и её лицо исказила уродливая гримаса. Я буквально видел, как в её голове крутятся шестерёнки, ищущие, чем бы ещё меня уязвить, задеть, раздраконить.

И она нашла. Её губы растянулись в едкой, наглой ухмылке.

– Хорошо, я уйду. Но сначала покажи член? Мы с подружками поспорили, что у тебя маленький. Поэтому ты такой злой и любишь унижать девушек, пристёгивая их к батарее? Нравится доминировать, да? Типа такой весь крутой?

Она стояла, выпятив грудь, довольная собой, ожидая, что я опешу, разозлюсь, может, даже испытаю смущение.

Интересно, она сама это придумала или кто-то такой же тупой и недалёкий надоумил?

Внезапное, резкое возбуждение ударило в пах неконтролируемой, требовательной волной. Это была не просто физиология. Это был ядовитый коктейль из гнева, презрения и порочного, запретного влечения, которое я давил в себе с момента её появления.

Эта дура, эта испорченная кукла, думала, что бьёт в больное? Она не понимала, что играет с детонатором?

Игра. Да, именно игра. Тёмная, опасная, та, в которой правила меняются в обе стороны.

Вместо того чтобы на пинках вышвырнуть девчонку из кабинета, неожиданно для себя я подкинулся на её идиотскую затею. Сам не знаю, что на меня нашло.

– Ладно, Женечка, – мой голос прозвучал низко и хрипло, но абсолютно ровно. Внутри всё пылало, но не снаружи. – Покажу. Поближе подойди.

Ермолова явно не ожидала такого. Я видел по её глазам, как в них мелькнула доля неуверенности и даже страх. Но её глупое бравадное любопытство, её желание выиграть этот жалкий спор с подружками оказались сильнее.

– У тебя настолько маленький, что ты боишься, что я отсюда не увижу? – криво ухмыльнулась она, но уверенности в ней не прибавилось. Она меня боялась, чёрт возьми.

Тем не менее Евгения сделала шаг. Ещё один. Теперь она была в пределах досягаемости.

Меня заводила эта возня. Я смотрел на кукольное лицо девчонки, её фигурку, ладно обтянутую одеждой, чувствовал запах её нежных духов, и меня вело.

Наглость и глупость этой дуры ничуть не портили её красоту. Были бы у Ермоловой мозги, этой ситуации бы просто не случилось бы.

Да и я недалеко ушёл. Безрассудство, наверное, заразно. Всё, чего мне хотелось сейчас – загнуть белобрысую сучку на столе и выбить из неё дурь своим членом. Пока реально прощения просить не начнёт.

И пощады...

9. Глеб

Мои пальцы нашли пряжку ремня, расстегнули её. Ширинка с характерным шелестом разъехалась. Взгляд прикован к девчонке.

Она стояла совсем рядом, уставившись округлившимися глазами мне в пах, будто всё ещё не верила, что я на самом деле делаю это. Кажется, она даже дышать перестала.

Прежде чем зарвавшаяся мажорка успела моргнуть, я высвободил свой член. Тяжёлый, твёрдый, пульсирующий от нездорового возбуждения.

Я не дал Евгении опомниться. Схватил за острое плечико и рывком поставил на колени перед своим креслом.

Она ахнула, отшатнувшись, но моя реакция была молниеносной. Перехватив её за затылок, зафиксировал голову. Девчонка инстинктивно упёрлась руками мне в бёдра, но я был сильнее.

Теперь я действовал с демонстративной, оскорбительной медлительностью.

– Да ты совсем...

– Только пикни! – пригрозил я Евгении, и она совершенно растерялась.

Я провёл горячей, напряжённой головкой по её щеке, чувствуя, как содрогается все её тело.

– Так достаточно видно? – мои слова были тихими, но каждый слог был пропитан ледяным глумлением. Я смотрел на неё сверху вниз, наблюдая, как на её щеках загорается стыдливый румянец, как глаза становятся стеклянными от унижения. – Смотри внимательно!

Она не выдержала моего взгляда и закрыла глаза. Её дыхание сделалось частым, прерывистым. В кабинете стало тихо, как в морге. Было слышно лишь жужжание компа и бешеный стук моего сердца.

Я не двигался, давая ей прочувствовать каждую секунду этого унижения. Позволяя осознать всю глубину ямы, в которую она прыгнула со своей дурацкой провокацией.

Мой взгляд прилип к её губам. Только что они дерзко требовали, а теперь были беззвучно приоткрыты от шока. Полные, мягкие, с идеальной, будто выточенной ложбинкой вверху.

Боже, до чего же они были соблазнительными! Багровый румянец стыда окончательно залил щёки девчонки, отчего губы казались ещё алее, ещё слаще.

У меня яйца поджались от непреодолимого желания толкнуться между этими влажными, пухлыми створками.

Всё это было омерзительно, неестественно и грязно, но в то же время восхитительно прекрасно.

Евгения стояла, парализованная. Все её тело вибрировало мелкой дрожью.

Достаточно. Она раздавлена.

Я звонко шлёпнул её по лбу членом и застегнул брюки. Звук застёгивающейся молнии прозвучал как финальный аккорд.

– Свободна, – сказал я безразличным тоном, будто выгонял назойливую муху, и Евгения резко распахнула глаза. – Увижу тебя ещё раз и я это видео в сеть солью. Какие вы там теги ставите? "Мажорка сосёт у мусора"? "Ментовской произвол"? Впрочем, плевать. Увидишь меня случайно на улице, беги в другую сторону. Ты всё уяснила, Ермолова?

Это словно разбило ледяной панцирь, сковавший её. Она вздрогнула, вскочила на ноги и заметалась по кабинету, как ужаленная, собирая свои побрякушки.

Я ждал, что она что-нибудь злобно ляпнет на прощание, снова начнёт угрожать, но она просто выскочила из кабинета, так и не найдя слов. Дверь захлопнулась, оставив после себя лишь томный запах её духов и витающее в воздухе электричество пережитого унижения.

Я остался сидеть на месте, прислушиваясь к бешено колотящемуся сердцу. Ермолова проиграла, но эта победа не принесла удовлетворения. Она оставила после себя лишь горький привкус и тяжёлое, сводящее с ума возбуждение, которое теперь приходилось глушить в одиночестве.

Мы оба перешли черту, из-за которой нет возврата. Надеюсь, что я больше никогда не увижу эту несчастную.

Весь остаток дня был испорчен. Вернее, отравлен. Я пытался заниматься бумагами: сводками, рапортами, заявлениями. Буквы расплывались перед глазами, складываясь не в слова, а в лицо Ермоловой.

До темноты меня грызла какая-то странная, несвойственная мне тягость. Не раскаяние, нет, чёрт возьми, я никогда не каюсь в своих поступках. Грязная пена от той игры, в которую я позволил себе ввязаться. Мысль о Ермоловой, о её губах, о её шоке, всё ещё неприятно жгла изнутри. Я пытался загнать это чувство в самый дальний угол сознания, как всегда делал с тем, что мешало работе.

Поздний вечер, почти ночь. Я поставил тачку на парковке и побрёл к своему подъезду, чувствуя смертельную усталость. На улице было по-летнему душно, у подъезда горела одна-единственная лампочка, отбрасывая длинные, пляшущие тени. Я достал сигареты, когда в этих тенях что-то шевельнулось.

Я замер на полпути, инстинкты, отточенные годами на улице, взвыли тревогой. Из мрака медленно вышли четверо. Не уличные гопники. Парни в хороших, дорогих спортивных костюмах, с тупыми, самоуверенными лицами. Руки засунуты в карманы, позы – расслабленно-агрессивные. Они уже выстроили полукруг, отрезая мне путь к отступлению.

– Ну что, мусорок, – сипло проговорил один из мордovorотов, делая шаг вперёд. – Поговорить надо. За девушку мою.

– За которую? – уточнил я, потому что в душе не ебал, чей он хахаль.

– Женя Ермолова, – сообщил он и сплюнул на асфальт.

Теперь всё понятно. Принцесса прислала своих верных псов. Того самого болвана, которым угрожала мне возле магазина.

Эта дура оставит меня когда-нибудь в покое?

10. Глеб

Драться с этими уёбками у меня не было абсолютно никакого интереса, как и разговаривать. С этими макаками, накачанными стероидами, базарить, только время тратить. Их туповато-агрессивные рожи, их позы, кричащие о дешёвой показухе – всё это вызывало лишь одну мысль: «Господи, какая же это скука».

Как же мне было плевать на них. Просто, блять, похуй.

Медленно, не торопясь, я вынул сигарету изо рта и сунул ее обратно в пачку.

– Съебались нахуй отсюда, – сказал я негромко, но достаточно внятно.

Потом демонстративно достал табельное. Холодная, знакомая тяжесть в руке успокаивала. Я вставил магазин с характерным сухим щелчком и дослал патрон в патронник. Резкий, металлический звук отчётливо прозвучал в ночной тишине.

Я ни на кого не направлял ствол. Просто держал в руке, чтобы все видели. Холодный металл блеснул под убогой лампочкой.

Их самодовольные рожи поплыли. Атмосфера крутости испарилась мгновенно. Тот самый «крутой боксёр», явившийся карать меня за свою тёлку, неуверенно переступил с ноги на ногу, его накачанные плечи вдруг ссутулились. Он напоминал пса, который собирался лаять, но внезапно увидел в руке хозяина хлыст.

– Считаю до трёх, и чтобы я вас больше тут не видел. Раз...

Всё было так предсказуемо, что мне не понадобилось даже «два». Они не разбежались. Они испарились. Мгновенно, беззвучно, растворившись в темноте, из которой вышли. Только асфальт, где один из них плевал, теперь казался ещё грязнее.

Я сунул ствол обратно в кобуру, снова достал сигарету и наконец-то прикурил. Затяжка обожгла лёгкие горьким успокоением. Но внутри, под этим спокойствием, клокотала ярость.

Не на этих бармалеев. На Евгению. Она впутала меня в какой-то дурацкий сериал, дешёвую мыльную оперу с мордобоем и угрозами. И, похоже, у неё не было никакого намерения его заканчивать.

Я не удивлюсь, если она выкинет что-то ещё, чтобы тявкнуть на меня, как Моська на слона.

Господи, я полночи я не мог уснуть. Эта чёртова сука с её наглыми губами и глазами, полными ненависти и любопытства, будто заноза, впиалась в мозг. Я ворочался, пытаюсь выкинуть из головы её образ, запах её духов, смешанный с запахом моего возбуждения в кабинете.

Бесполезно. Она просто засела во мне.

Если её заступничкам я мог пригрозить пушкой, то чем мне отвалить призрак самой Евгении?

Только я провалился в тяжёлый, беспокойный сон, как зазвонил телефон. Резкий, неумолимый звук, вырывающий из самой глубины забытья. Я с рыком схватил мобильник.

– Глеб Михайлович, вызов. Покушение на убийство, – доложил дежурный.

Адрес заставил меня на мгновение замереть. Район был слишком знакомым.

Я оделся в темноте, на ощупь. Автоматизм, доведённый до совершенства. В голове пустота, лишь холодная служебная собранность. Навязчивый образ Ермоловой пулей вылетел из головы, словно неприятный сон.

Машина быстро домчала меня по спящему городу. Я прибыл по адресу. Роскошный особняк, больше похожий на дворец, освещённый теперь мигалками машин.

Мимо меня, завывая сиреной, пронеслась скорая.

Я вошёл внутрь, предъявив удостоверение. В холле, отделанном дорогим мрамором и золотом, царил привычный для таких мест хаос: суетящиеся криминалисты в белых комбинезонах, оперативники, сбившиеся в кучки, гул приглушённых голосов. На автомате я проскани-

ровал помещение, анализируя обстановку, и тут мой взгляд, скользнув по комнате, намертво зацепился за диван в гостиной.

Я выхватил взглядом её.

Женю.

Сидела, сторбившись, на бархатном диване, вся в крови. Абсолютно вся.

Тёмные, почти чёрные в этом свете, липкие пятна запекались на её когда-то белом шелковом халате, размазались по её рукам, бледным как мрамор, запачкали её щёки и шею. Её пальцы, длинные и ухоженные, теперь перемазанные ужасающим алым, беспомощно лежали на коленях. И на её тонких, хрупких, почти детских запястьях поблёскивали стальные, бездушные наручники. Контраст был шокирующим – изнеженная роскошь и грубое железо, красота и кровь.

Девчонка не плакала. Не истерила. Она сидела неподвижно, словно неживая, и смотрела прямо перед собой в никуда, стеклянным, пустым взглядом, в котором не осталось ни капли её привычной наглости, ни злобы, ни даже страха. Только шок. Глубокий, всепоглощающий, животный ужас, который выжигает изнутри все остальные эмоции.

И в этот миг во мне что-то переломилось. Вся моя ярость, всё раздражение, вся та грязная, порочная игра, что была между нами, всё это разом испарилось. Осталось лишь одно – леденящее душу осознание того, что эта девочка, эта испорченная, невыносимая дура, попала в настоящую, взрослую мясорубку. И её жизнь, какой бы фальшивой она ни была, только что закончилась.

Мне что-то говорил подошедший оперативник, кто-то звал меня, привлекая внимание к деталям на месте преступления, но я словно оглох. Все звуки слились в отдалённый гул. Всё моё внимание, всё моё существо было приковано к этой застывшей, окровавленной фигуре на диване.

Я подошёл ближе, и наши взгляды встретились. В её пустых глазах ничего не отразилось. Она была как манекен, как кукла, которую кто-то жестоко измазал в краске.

И тихо, так, чтобы слышала только она, я прошептал:

– Что ты наделала, дура

Но вопрос повис в воздухе. Потому что я и сам не был уверен, обращался ли я к ней. Или к самому себе.

11. Глеб

Мой шок длился недолго. Секунды. Потом сработал профессиональный щелчок, и я переключился. Мозг, отбросив всё личное, начал анализировать, сортировать, вычислять.

– Опросить всех, кто был в доме! От садовника до шофера! – мой голос прозвучал резко, властно, возвращая оперативников к делу. – Изъять все записи с камер наблюдения. Мне нужна вся хроника за сегодняшний вечер! Немедленно!

Команды сыпались одна за другой, восстанавливая привычный порядок действий в хаосе. Ко мне подбежал молодой опер с рапортом в руках.

– Товарищ майор, по предварительным данным – он заколебался, бросив взгляд на неподвижную фигуру Жени. – Произошла ссора между Евгенией Ермоловой и её отцом, Аркадием Николаевичем. В ходе ссоры она нанесла ему удар ножом в область сердца. Горничная, нашла их обоих на кухне. Потерпевшего на полу, а подозреваемую вот такой, с ножом в руках, в состоянии шока.

Я выслушал, кивнул. Всё было слишком очевидно. Ссора. Вспышка гнева. Удар. Всё сходило.

Обычная бытовуха.

Но...

Я снова посмотрел на девчонку. На её хрупкую, перепачканную кровью фигурку, застывшую в позе полной кататонии. Да, она была взбалмошной, истеричной, способной на дерзость и наглость. Но поднять руку на отца? Вот так вот ножом? В сердце?

Что-то не сходилось. Не в фактах. В сути. В её натуре.

Её бунт был показательным, детским – украсть, нахамить, позлить. Не убить. Это был не её метод. Не её уровень.

Я медленно подошёл к дивану и присел на корточки перед Женей, оказавшись на уровне её опустошённого лица. От неё пахло всё теми же дорогими духами, только теперь запах был медным, тошнотворным из-за крови.

– Евгения, – произнёс я тихо, но твёрдо, пытаюсь пробиться через её ступор. – Ты меня слышишь?

Никакой реакции. Только ровное, поверхностное дыхание.

– Отвези подозреваемую в медчасть на освидетельствование, – дал я задание оперу. – Пусть прокапают, если надо. Потом ко мне. Я сам её допрошу.

– Сделаю, – отсалютовал капитан, хватая Женю за предплечье, рывком поднимая её с дивана.

– И чтоб с ней обращались – я запнулся, подбирая слово, – аккуратно.

Опер кивнул и увёл Ермолову. Она не сопротивлялась, позволяя вести себя, как сомнамбула. Её стеклянный взгляд был прикован к какому-то внутреннему кошмару.

Я проводил её взглядом до дверей, а потом вернулся к работе.

Один из криминалистов показал мне пакет с вещдоком. Обычный кухонный нож. На рукоятке более чем чёткие отпечатки.

– А жена потерпевшего? Где она?

– В своих апартаментах, на втором этаже. В истерике, по словам врача. Приняла успокоительное.

Я оставил хаос первого этажа и поднялся по широкой мраморной лестнице на второй. Мне указали на нужную дверь, и я громко забарабанил в неё безо всяких церемоний.

Мне открыла заплаканная, бледная женщина в шелковом халате – горничная, судя по всему. За её спиной в полумраке комнаты, на кровати, лежала хозяйка дома.

Я вошёл, не дожидаясь приглашения.

– Майор Дёмин Глеб Михайлович. Следственный комитет, – представился я, показывая удостоверение. – Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Женщина медленно повернула ко мне голову. В тусклом свете ночника её лицо казалось совершенно безжизненным из-за бледности.

– Светлана Андреевна Ермолова, – представилась она, усаживаясь повыше на постели.

Ей было лет тридцать, не больше. Мачеха, стало быть. Идеально ухоженная, с пышной грудью и пухлыми губами – как и большинство жен, богачей. В руке она сжимала платок, изредка поднося его к сухим глазам.

Я нашёл стул, приставил его к кровати и присел.

– Расскажите, что вам известно о случившемся.

– Ох, майор Это ужас просто кошмар – голос Светланы был слабым, дрожащим. Она сделала паузу, будто собираясь с силами. – Я же говорила Аркадию Говорила, что нужно быть с Женькой помягче Но он он был так строг вчера.

– Так что именно произошло вчера? – уточнил я.

– Ссора Ужасная ссора, – она закрыла глаза, изображая муку. – Женька пришла, требовала денег. Кричала, что он унизил её, заставив извиняться в магазине, в котором она что-то стащила, потом перед каким-то полицейским тоже Орала, что Аркадий испортил ей жизнь. Он был возмущён её наглостью. Они кричали друг на друга И тогда она она сказала – Светлана снова поднесла платок к глазам, вытирая воображаемые слёзы.

– Что именно она сказала? – поторопил я женщину.

– Она сказала: «Я тебя убью! Убью, старый ублюдок, если ты сейчас же не разблокируешь мои карты!». Я слышала это из-за двери Я так испугалась Но подумала, что это просто слова, горячка – она покачала головой, и ее идеально уложенные волосы даже не шелохнулись. – А она она и вправду это сделала

Она разразилась слишком громкими, почти театральными рыданиями. Ермолов был ещё жив, по крайней мере, о его кончине мне не сообщали. Но Светлана рыдала так, будто падчерица оставила её вдовой.

– Где вы были в момент покушения?

– Я спала. Прибежала горничная, разбудила меня своими криками. Потом я вызвала полицию. Вот в принципе и всё.

– Кто ещё был в доме?

– Больше никого. Охрана дежурит только на улице. Бедный Аркаша И Женечка что с ней стало Она, наверное, с ума сошла от злости.

«С ума сошла». Удобная версия. Очень удобная. Разъярённая, невменяемая дочь убивает деспотичного отца. Всё сходится. Слишком уж сходится.

– Благодарю вас, Светлана Андреевна, – сказал я нейтрально. – Постарайтесь успокоиться. Если вспомните ещё какие-то детали, сразу сообщите.

Осмотр места преступления затянулся, так что в отдел я приехал уже засветло. Гаденькое чувство вины засело в моей душе. Меня не покидала мысль, что и я приложил руку к этому преступлению. Как будто это я вложил в руки Евгении нож, посмеявшись над ней в своём кабинете. Что если это и стало последней каплей? Толчком к непоправимому?

Пока всё было против Жени. Если Ермолова откачают, ситуация прояснится. А если нет?

Я ещё не допросил её саму. Возможно мне удастся добиться у Жени неё чистосердечного признания, и скостить ей срок?

12. Глеб

Ермолову привели к полудню. Конвоир положил на мой стол заключение врача, и мы остались с Женей наедине.

Я сразу заметил перемену в ней. Она умылась, следы крови на лице исчезли, и теперь оно выглядело более живым. Однако самое главное изменилось в её глазах. Стеклянная пустота уступила место осмысленному, пусть и дикому, огню. Взгляд был ясным, «трезвым», полным осознания ужаса своего положения, и, разумеется, ненависти ко мне.

– Садись, – коротко бросил я, указывая на стул у батареи.

Сегодня я был более любезным, позволив сидеть Ермоловой на стуле, а не на полу.

Она не оценила моей доброты, даже не двинулась с места. Её подбородок дерзко вздёрнулся, но упрашивать я не стал. Подошёл, взял её за плечо, почувствовав, как она вся напряглась, и усадил на стул. Достал наручники.

– Руки! – скомандовал я.

– Я требую адвоката, козлина! – завопила она, и её голос, хриплый от длительного молчания, неприятно ударил по ушам. Она попыталась вырваться, но моя хватка была железной.

Вот это моя Женя! Узнаю.

Уголок моего рта непроизвольно дрогнул. Дикая, непокорная, живая. Гораздо лучше той безжизненной куклы в особняке. Так с ней хоть можно работать.

– Адвоката тебе предоставят по закону, – ответил я спокойно, щёлкая наручниками вокруг её тонкого запястья и пристёгивая их к трубе батареи. – А пока поговорим без посредников.

Она дёрнула рукой, как будто надеялась вырвать батарею или порвать цепочку, но это было ей не по силам. Она была в ловушке. Снова. Но на этот раз все было серьёзно.

– Ты не имеешь права меня держать! Я ничего не сделала! – выкрикнула она, но в её голосе, помимо ярости, я уловил нотки настоящего, не наигранного отчаяния.

– Да ладно? У меня совершенно другая информация. Отпечатки твоих пальцев на рукоятке ножа, – начал я, садясь напротив неё и глядя прямо в её горящие глаза, – твои угрозы убить отца, которые слышала мачеха. Это не я тебя держу, Женя. Это улики.

– Она врёт! Эта стерва всю жизнь меня ненавидит! Может, это она хотела папу убить? Ты бы лучше Светку проверил.

– Может, и она, – не стал спорить я. – Но это ещё нужно доказать. А пока всё выглядит очень, очень плохо для тебя. Так что, если хочешь выбраться отсюда, начни говорить. Что случилось на самом деле?

Она сжала губы и замолчала. Но я видел – она думает. Шестерёнки в её голове, наконец, начали крутиться не с целью нахамить или спровоцировать, а чтобы спасти свою шкуру. Ещё бы, на кону её свобода, и, возможно, жизнь.

– Если я скажу, что ничего не помню, ты мне всё равно не поверишь, – наконец, выдавила она из себя. – Мне рассказывать нечего.

– Ладно, Евгения Аркадьевна, – пожал я плечами и вернулся к своему столу. – Я никуда не тороплюсь. В СИЗО к тебе память вернётся, я надеюсь. Тогда и поговорим.

– Погоди, ты что меня в тюрьму посадишь? Да ты гонишь, что ли? – снова начала возмущаться Женя. – Адвоката мне предоставь! Прямо сейчас!

Я смотрел на неё, прикованную к батарее, и в голове с холодной ясностью выстраивалась вся идиотская бюрократическая машина. Если сейчас оформлять её в СИЗО и предоставлять адвоката – а это неизбежно, – моё расследование превратится в кошмар.

Я видел это, как наяву. Тонны бумаг. Каждое действие – ходатайство судье. Каждый допрос с противным, ухмыляющимся адвокатом, который будет совать своё рыло в каждую деталь, справедливо требуя соблюдения всех процессуальных норм.

– Майор Дёмин, а на каком основании вы задали этот вопрос? Майор, предоставьте протоколы. Майор, где разрешение прокурора на обыск?

Он будет тянуть время, заваливать меня бумажной волокитой, пока настоящий убийца, если это не Женя, будет заметать следы.

Это было абсолютно, на сто процентов невыгодно. Мне. Делу. Правде.

Вся эта система, созданная для защиты прав, в данном случае работала бы на защиту лжи, которая бы увязла в папках и протоколах, пока не стало бы слишком поздно.

Я взял со стола заключение врача. В крови Ермоловой нашли синтетический наркотик. Убойную дозу. Либо не рассчитала по глупости, как бывает у новичков, либо её намеренно накачали этой дрянью.

– У тебя в крови наркоту нашли. Давно употребляешь? – задал я вопрос, особо не рассчитывая на правдивый ответ. Ещё ни один наррик не сознался в том, что он балуется запрещённой.

– Я вообще не понимаю о чём ты. Я устала и хочу есть.

– Сейчас тебя уведут в изолятор. Там как раз обед скоро.

– Я не хочу в изолятор. Просто отстегни меня, и я поеду домой. Я же ничего не сделала. Когда папа очнётся, он это подтвердит. Он расскажет, что я на него не нападала.

Она не понимала до конца, что происходит? Реально надеялась, что сможет поехать домой?

Я снова сел напротив Ермоловой и заглянул ей в лицо.

– Вот пока Аркадий Николаевич не очнулся и не дал показания, ты главная подозреваемая, Женя. И ты будешь сидеть в СИЗО, пока идёт следствие или пока я не найду другого подозреваемого и веские основания, чтобы снять обвинения с тебя. Даже если я предоставлю тебе адвоката, тебя никто никуда непустит.

– А можно мне другого следователя? Ты мне не нравишься. Ты нарочно хочешь меня посадить. Это же очевидно.

– Можно. Только это тебя не спасёт. Есть улики и есть закон. Придётся потерпеть.

– Ты мне не веришь, да? В этом всё дело? – девчонка горько расплакалась, начиная понимать, что к чему.

– Пока мне не за что уцепиться. Ты молчишь, все факты против тебя. Камеры в вашем доме ночью не работали, твой отец в коме. Два свидетеля утверждают, что ты хотела отца зарезать. Отпечатки на ноже твои. Ты ещё и обдолбанная была. Могло произойти всё что угодно. Ты просто не запомнила момент, как схватила нож и ударила им потерпевшего. Так что да, я тебе не верю, Женя. Но, если тебе станет легче, я больше не испытываю к тебе неприязни. Это просто очередное дело, которое я расследую.

– У меня есть деньги. Много, – внезапно понизив голос, сказала Женя.

– Откуда? – поинтересовался я, помня о том, что отец вроде бы заблокировал ей все карты.

– От мамы наследство. Я всё тебе отдам, только не отправляй меня в изолятор.

– Сколько? – Женя назвала внушительную цифру. Этих денег хватило бы, чтобы отмазаться, будь у неё нужные связи. И не таким мокрушникам удавалось выйти сухими из воды, тем более что потерпевший остался жив. – Этого недостаточно. Дело громкое, уже в прессу ушло, – ответил я, уничтожив последнюю надежду девчонки.

– Неужели ничего нельзя сделать? Придумай что-нибудь. Ты же умный?

Вот. Я уже умный? Забавно.

Я смотрел девчонку, и в моей голове постепенно созревал план. Грязный. Опасный. Не по уставу. Но чертовски эффективный. Который устроит нас обоих.

Женя была готова на всё, лишь бы не в камеру – это было ясно, как день.

– У тебя есть два пути, девочка: СИЗО, где тебя сломают... или я.

– В каком смысле? Что я должна буду делать?

– Всё, что прикажу. Ты будешь принадлежать мне. Полностью. Без возражений.

– Ты меня просто трахнуть хочешь? – поморщилась она, как будто эта мысль вызывала у неё тошноту.

– В данный момент нет, но не исключено, что захочу. Позже, – кровожадно усмехнулся я. – Если с этим проблемы...

– Господи, ну ты и урод! – выдохнула она, откидываясь на спинку стула. – Я ведь ни в чём не виновата!

– Следствие разберётся, – парировал я, с наслаждением наблюдая, как она бьётся в этой ловушке. – Решай живее, пока за тобой конвоир не пришёл.

– Я согласна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.